

# ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

*Елена Бехтиева*



В НАЧАЛЕ 2014 ГОДА, ОБЪЯВЛЕННОГО ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ ГОДОМ КУЛЬТУРЫ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ ПОЗВАЛ МЕНЯ В ДОРОГУ. ПУТЬ ЛЕЖАЛ В СТЕПНЫЕ ПРОСТОРЫ НАШЕЙ СТРАНЫ, В ОРЕНБУРЖЬЕ, ИЗВЕСТНОСТИ КОТОРОГО НА НИВЕ КУЛЬТУРЫ ВО МНОГОМ СПОСОБСТВОВАЛ ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. М. ГОРЬКОГО, ЕГО РЕЖИССЕРЫ, АКТЕРЫ И, КОНЕЧНО, ХУДОЖНИКИ. ОБ ОДНОМ ИЗ НИХ, ЗАСЛУЖЕННОМ ДЕЯТЕЛЕ ИСКУССТВ РСФСР СЕРАФИМЕ НИКОЛАЕВИЧЕ АЛЕКСАНДРОВЕ (1907–1982), ПОЙДЕТ РАССКАЗ В ЭТОЙ СТАТЬЕ.

В первых строках поделюсь тем, что более всего поразило в соприкосновении с творческой биографией художника: пожизненная верность театру, в который он пришел смолоду. Здесь трудился с 30-х годов, здесь в Великую Отечественную войну поднимал дух уходящих на фронт и остающихся в тылу, здесь в спокойные для страны 60–70-е годы продолжал оформлять спектакли русской классической и современной драматургии, всемирно известного театрального репертуара. В основе творческого метода художника С.Н. Александра была реалистическая ясность изображения, приобщение зрителей к живописной красоте окружающего мира, высочайшее чувство ответственности, умение работать в коллективе, уважительно относясь и к бутафору, и к осветителю, и к актеру.

За свою жизнь художник оформил около 200 спектаклей. Это огромный труд, стоивший Серафиму Николаевичу нервного и умственного напряжения. В театре за спектакль отвечают два человека – режиссер и художник. Но если первый на виду, о нем говорят и пишут, его вызывают на сцену, то о художнике-постановщике знают несравненно меньше. А ведь именно он в значительной степени способствует успеху спектакля, его целостности, созданию атмосферы и зримого образа, что

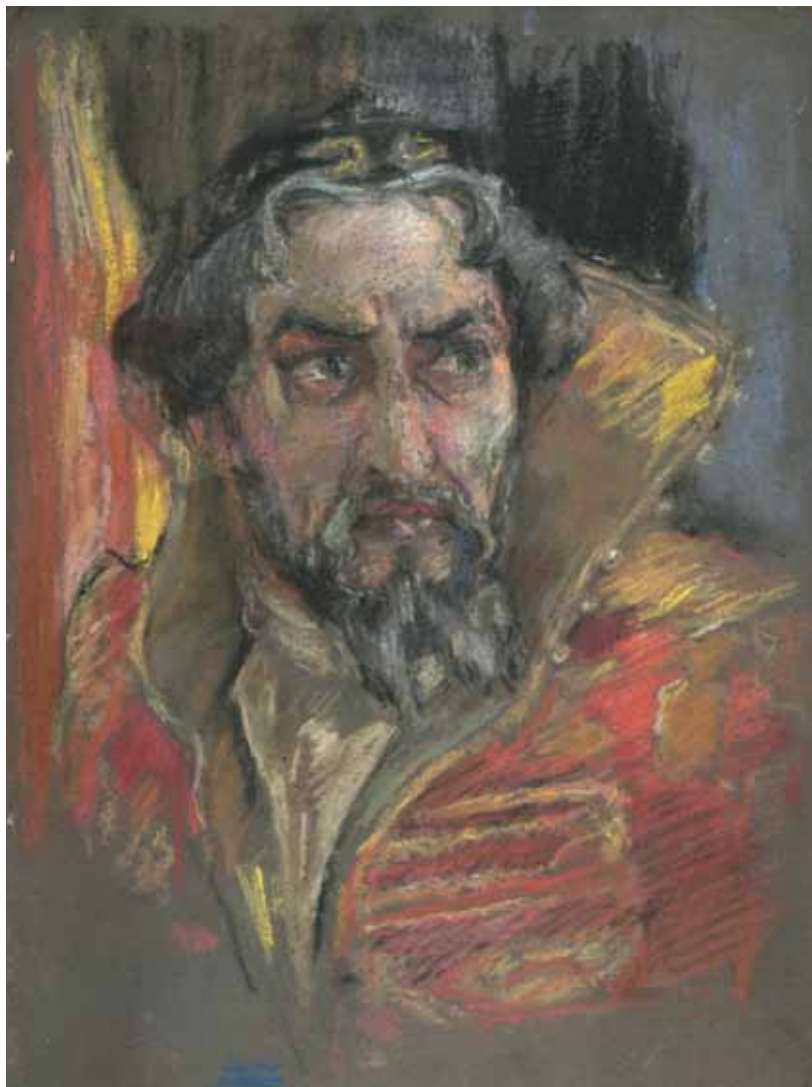
делает замысел пьесы и трактовку режиссера понятными уму и сердцу зрителя.

В те бескомпьютерные времена работа художника включала несколько этапов. Сначала выполнялся макет из картона, определявший место каждому предмету, тщательно прорабатывались кулисы и задники, предусматривался характер освещения. По этому макету представлялась обстановка каждого действия. Затем писались эскизы сцены и декораций спектакля, которые должен был принять художественный совет. В основе оформительского решения Александра лежал традиционный для русского искусства живописный подход. Цветовые плоскости, исполненные художником, органично сочетались с предметными, бутафорскими объектами, создавая иллюзию пространственной жизненной среды. Следующий подготовительный этап – разработка костюмов. Продумывались их размеры, формы, цвет, соотнесенность со временем и местом

*На с. 138: С.Н. Александров. Автопортрет. 1947. Картон, масло. 61x51. Оренбургский областной музей изобразительных искусств*

*С.Н. Александров. Эскиз декорации к спектаклю «Емельян Пугачев». 1953. Бумага, акварель. 40x57. Фонд им. П.М. Третьякова. Москва*





*С.Н. Александров.  
Портрет артиста С.А. Адолина  
в роли Бориса Годунова.  
1937. Бумага, пастель. 35х25.  
Фонд им. П.М. Третьякова.  
Москва*

происходящих в пьесе событий. Рисуя эскизы для одной и той же роли, но для разных исполнителей, Серафим Николаевич делал каждому свой костюм, сугубо индивидуально подходивший и во многом помогавший актеру не только принять облик, но и прочувствовать характер персонажа. Далее – подготовка бутафории (балюстрады, мебель, торшеры, вазы), которая будет стоять на сцене, изготавливалась Александровым в миниатюре размером два-три сантиметра. Эту «ювелирку» приходилось выполнять ночью после утомительного трудового дня. На нем же лежал контроль за работой всех подведомственных художнику-постановщику театральных цехов: осветительного, мебельного, пошивочного и др. Такой ответственный подход обеспечивал хороший результат.

Случалось, что после открытия занавеса из-за восторженно аплодирующих оформлению сцены зрителей приходилось задерживать спектакль. Так, например, было встречено художественное решение пьесы

А.Н. Островского «Дикарка», завожожившее зал красотой дворянской усадьбы. Этот прекрасно оформленный спектакль, «Царь Федор Иоаннович» А.Н. Толстого, «Емельян Пугачев» по пьесе оренбургского драматурга В.И. Пистоленко и другие были показаны на гастролях в Москве в 1955 году, организованных в преддверии 100-летнего юбилея Чкаловского областного драматического театра имени М. Горького (так тогда назывался театр в Оренбурге). Свидетельством сдачи «экзамена на зрелость» стало присвоение почетных званий заслуженных артистов и заслуженных деятелей искусств республики группе работников театра. В числе удостоенных был и Серафим Александров.

Главный режиссер театра Ю.С. Иоффе в буклете «Репертуар юбилейного сезона» посвятит художнику дарственную надпись: «Дорогой Серафим Николаевич! Сердечно поздравляю Вас со столетием и премьерой... благодарю за талантливое оформление». И хотя нам неизвестно, о каком премьерном спектакле

говорится, важнее другое: отождествление жизни художника и театра. «Я счастлив, что я этой силы частица» – точная поэтическая метафора смысла театральной работы Александрова.

Говорят, что в кругу близких Серафим Николаевич неоднократно вспоминал 1937 год. Страшный для страны, он, как ни парадоксально, оказался счастливым для художника и театра. Именно тогда состоялась премьера спектакля «Борис Годунов» по драме А.С. Пушкина. На постановку денег не жалели. Роскошные костюмы, созданные без какого-либо ограничения творческой фантазии, изготавливались в Москве. Они были пошиты из таких добротных материалов и столь богато отделаны, что еще долго использовались другими исполнителями в разных спектаклях.

Яркое напоминание о постановке в Оренбургском театре «Бориса Годунова» – портрет артиста С.А. Адолина, исполнителя главной роли. Этот костюмированный портрет откроет замечательную серию изображений деятелей театра, дорогих и близких Александрову единомышленников. Среди них В.И. Агеев, благородное происхождение которого замечательно выражает его утонченный, исполненный акварелью портрет. Широчайшего диапазона артист воплотил на сцене диаметрально несхожие образы: генерал-губернатор граф В.А. Перовский в «Оренбургской старине», лакей Фирс в «Вишневом саде», купец Ф.Ф. Прибытков в «Последней жертве», Ленин в «Кремлевских курантах» и многие другие.

Весьма подкупающим биографическим фактом, считающимся для творческой личности



*С.Н. Александров. Портрет народного артиста РСФСР В.И. Агеева. 1940. Бумага, акварель. 27,5x19. Фонд им. П.М. Третьякова. Москва*

*С.Н. Александров. Эскиз декорации к спектаклю «Последняя жертва». 1949. Бумага, акварель. 20x32. Фонд им. П.М. Третьякова. Москва*



скорее исключением, чем правилом, была пожизненная верность Серафима Николаевича одной любви, одной женщине – Александре Михайловне, Шурочке, как называл ее художник. Когда-то он благоговел, делая предложение этой трогательной близорукой девушке. Потом она стала матерью их дочерей и долгие годы обеспечивала налаженный и спокойный семейный быт, столь необходимый одержимому работой мужчине. После трагической гибели жены спасало лишь творчество. Старался больше бывать на природе, ища утешение в ее вечной красоте. Пейзажи, как и произведения других жанров, писал в разных техниках, маслом и акварелью, но предпочтение отдавал пастели, которой владел в совершенстве.

Пишу эти строки и с волнением думаю, что обо всем этом, истинном и замечательном, я могла и не узнать, если бы не счастливая случайность. В Благотворительный Фонд им. П.М. Третьякова обратилась преподаватель московской Детской школы искусств им. С.Т. Рихтера Татьяна Пестерева и рассказала о намерении дочери художника Майи Серафимовны Александровой «передать в надежные руки» ту часть театрально-декорационного наследия, которая осталась после сдачи в Оренбургский музей изобразительных искусств основного массива произведений. Условие «приехать на место и взять юридическое оформление на себя» было с благодарностью принято. Конечно, Фонду предстоит большая работа по приведению листов и картонов в надлежащее состояние, и мы к ней уже приступили.

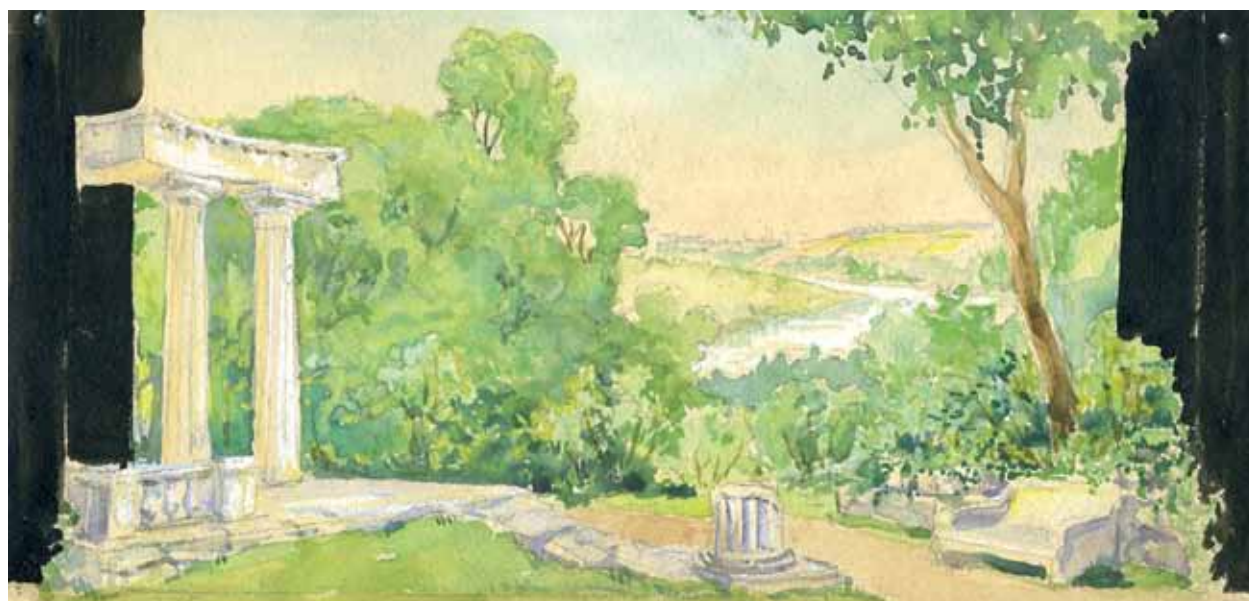
Не могу не сказать о знаковом совпадении, обнаруженном при разборе старых буклетов,

бережно хранимых Майей Серафимовной и любезно предоставленных для ознакомления. Театр, которому верой и правдой в Советском Союзе служил ее отец и который во многом сформировал дочь, создавался в царской России в том же 1856 году, когда была основана Третьяковская галерея. Предположу, что связь, установившаяся на каком-то глубинном уровне, предопределила выбор в пользу Фонда им. П.М. Третьякова, радеющего о сохранении памяти основателя первого общедоступного художественного музея.

Читая в Москве книгу «Серафим Александров. Живопись, графика, театрально-декорационное искусство», узнала, что одной из общественных забот художника была его активная помощь С.А. Варламову, создателю и первому директору Оренбургского областного музея изобразительных искусств. Старшее поколение музейных сотрудников вспоминает, какие содержательные беседы об искусстве, музыке, литературе вел с ними Серафим Николаевич, как вдохновлял «на чистое служение искусству», уважительно наставлял молодежь и был для многих «вторым университетом».

Будем верить, что Год культуры провозглашен в нашем Отечестве еще и для того, чтобы задуматься о ценностях семьи, преемственности поколений, общественно значимого труда, из которых складывается жизнь человека и история страны.

*Ключевые слова:* Год культуры в России, Оренбургский государственный драматический театр им. М. Горького, художник Серафим Николаевич Александров, дар Фонду им. П.М. Третьякова.



С.Н. Александров. Эскиз декорации к спектаклю «Дикарка». 1955. Бумага, акварель. 12х23. Фонд им. П.М. Третьякова. Москва



*С.Н. Александров. Эскизы костюмов к спектаклям «Емельян Пугачев» (вверху: Хлопуша, Башкир) и «Ревизор» (внизу: Городничий, Хлестаков). Фонд им. П.М. Третьякова. Москва*